

«НИГИЛИСТЫ И ЗАПАДНИКИ ТРЕБУЮТ ОКОНЧАТЕЛЬНОЙ ПЛЕТИ»

С.Б. РОЦИНСКИЙ

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, г. Москва

В статье рассматриваются вопросы идейного противостояния политическому радикализму в России второй половины XX века, получившему в отечественной общественно-философской мысли название «нигилизм». Исследование основывается на анализе сочинений видных публицистов и мыслителей этой эпохи, выражавших преимущественно консервативные взгляды. Представлены точки зрения на эту проблему И.С. Аксакова, М.Н. Каткова, Ф.М. Достоевского, Н.Я. Данилевского, Н.П. Гилярова-Платонова, В.С. Соловьева. В отдельных конкретных воззрениях этих авторов немало расхождений, однако их общая позиция сводится к неприятию насилия в политической борьбе. Вывод: обращение к истории российской общественной мысли показывает, что в ней содержится проблематика, которая была и остается неизменно актуальной; в данном случае это проблема соотношения цели и средств, разумной цены социального прогресса.

Ключевые слова: интеллигенция, нигилизм, нигилисты, западники, заимствование, предрассудки, насилие, личность, общество, власть.

«NIHILISTS AND WESTERNERS REQUIRING FINAL SCOURGE»

S.B. ROTSINSKY

The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow

In article are considered questions of an ideological confrontation of political radicalism in Russia in the second half of XX century, had received to the domestic public is directly-the philosophical thought of the name «nihilism». The study is based on analysis of works of prominent writers and thinkers of this age, expressed mainly conservative views. Presented point of view on this problem I.S. Aksakov, M.N. Katkov, F.M. Dostoevsky, N.YA. Danilevsky, N.P. Giljarov-Platonov, V.S. Solovyov. In some specific ideas of these authors, many of the differences, however, their general position boils down to the rejection of violence in the political struggle. Conclusion: the appeal to the history of Russian public thought shows that it contains a problem, which has been and remains valid; in this case it is a problem of the relation between goals and means, the reasonable prices of social progress.

Keywords: intelligency, nihilism, nihilists, Westerners, loan, prejudices, violence, person, society, power.

Революционный радикализм, издавна вспыхивавший в России в виде стихийных восстаний и бунтов, с распространением идей европейского Просвещения стал облекаться в теоретические формы. Стали появляться тайные общества, кружки, а затем и политические партии, программы которых часто сводились к призывам ко всё тем же восстаниям и бунтам. Ответная реакция, порой даже избыточно жесткая, не заставляла себя

ждать, прежде всего, конечно, со стороны самодержавной власти. Но и внутри самого общества возникали очаги интеллектуального сопротивления экстремистским установкам, прежде всего таким, которые ориентировали на свержение существующего строя с помощью насилия.

Носителей радикальных умонастроений и устремлений во второй половине XIX века стали называть словом «интеллигенция». Принято считать, что это слово было актуализировано прозаиком и публицистом П.Д. Боборыкиным, который дал интеллигенции типологическую характеристику, представив ее главным образом в социальном и культурном значении. В 1909 году, когда вышел сборник «Вехи», Боборыкин, ознакомившись с его статьями, выразил категорическое несогласие с той трактовкой, которая давалась этому понятию авторами сборника. «Авторы "Вех" придают этому термину "интеллигенция" (действительно мною пущенному в русскую журналистику в 1866 году) совсем не то значение, какое я придавал ему, когда защищал "русскую интеллигенцию" от тогдашних ее обличителей... – писал «крестный отец» термина. – Для меня (да и всех, кто смотрит на дело трезво и объективно) под «интеллигенцией» надо разуметь высший образованный слой нашего общества... А по уверению некоторых авторов сборника выходит, что к «интеллигенции» нельзя причислять ни Тургенева, ни Толстого... Словом, сумбур чрезвычайный»¹.

Авторы «Вех» употребляли слово «интеллигенция» в значении, которое емко выразил в своей статье Петр Струве. «Идейной формой русской интеллигенции, – писал он, – является ее отщепенство, ее отчуждение от государства и враждебность к нему». И еще: «интеллигенция, как политическая категория, объявилась в русской исторической жизни лишь в эпоху реформ и окончательно обнаружила себя в революцию 1905–07 гг.»². При всем старании Боборыкина придать этому слову социально-культурный смысл, в публицистическом языке той эпохи оно использовалось преимущественно в функционально-политическом смысле.

Политическую окраску данное понятие стало приобретать с началом реформ Александра II. В смысловой интерпретации подобной той, в которой ее представили авторы «Вех», одним из первых его использовал И.А. Аксаков. 21 октября 1861 г. в редактируемой им газете «День» появляется его статья «Отчужденность интеллигенции от народной стихии», где в полемической форме проводится, в сущности, та же мысль, которую обобщенно выразил М.Гершензон в предисловии к «Вехам», а именно: «признание теоретического и практического первенства духовной жизни над внешними формами общежития»³. Как явствует уже из названия аксаковской статьи, тогдашняя интеллигенция такого первенства – первенства начал народного духа над теоретическими построениями – не признавала, иначе бы не было ее отчуждения от народной стихии.

На страницах «Дня» Аксаков вел полемику, с одной стороны, с либерально-западническими, революционно-демократическими и всеми другими оппозиционными течениями и их изданиями, а, с другой, критиковал

правительственные реформы, за то, что при их проведении властями были заимствованы европейские принципы, чуждые русской исторической традиции. «Разные партии, направления, школы, доктрины ссорятся и воюют друг с другом, – писал публицист, – разные течения мыслей встречаются и пересекаются взаимно, много... и борцов молодых, неразумно-благородных, – и все они, эти борцы, одинаково чужды тому, кому единственно принадлежит держава народного духа»⁴.

Для Аксакова было неприемлемо насилие, неважно, с какой стороны оно исходило или могло исходить. Но главную угрозу он видел, конечно, в намерениях и действиях радикальной интеллигенции: «С одной стороны, пустое, голое отрицание..., и заимствует силу только от силы враждебного напора, с другой – грубая, тупая, бессмысленная сила, только в насилии и бездушном механизме полагающая спасение!»⁵

Однако слово интеллигенция было не единственным и не главным в характеристике русских образованных радикалов. Если полистать страницы печатных изданий того времени, то там, пожалуй, чаще будет встречаться другое слово, очень близкое тому, что И.Аксаков и веховцы вкладывали в понятие «интеллигенция». Это слово – «нигилизм», вошедшее в активный оборот благодаря И.С. Тургеневу – как характеристика своеобразной мировоззренческой позиции героя его романа «Отцы и дети».

Однако то значение, которое придал этому понятию И.С. Тургенев, не стало постоянным. В 60-е годы слова «нигилизм», «нигилист» приобрели социально-политическую окраску. Литературным органом, выражавшим идеи нигилизма в России, был журнал «Русское слово», ведущую роль в котором играл Д.И. Писарев. К нигилистам в широком смысле относили также оппозиционно настроенных авторов «Современника». Затем нигилистами стали называть представителей радикального течения разночинцев-шестидесятников. В конечном счете этот термин использовался для характеристики всех революционных сил второй половины 60–70-х годов XIX века, которые обвинялись, помимо всего прочего, в анархизме, терроризме, аморализме, атеизме.

За тезисом последовал антитезис. В ответ на идеологию нигилизма в российском обществе стала нарастать волна противодействия ему, особенно его радикальным формам. Разумеется, противостояние нигилизму исходило прежде всего со стороны государственной власти и официальной идеологии, однако не менее резко звучала критика, которая велась независимыми публицистами, не ангажированными властью.

Одним из ярких противников нигилистических настроений становится М.Н. Катков. Ему и принадлежит первенство в употреблении слова «нигилизм» в его социально-политической трактовке. Если в начальный период своей публицистической деятельности, до начала 60-х годов, он придерживался умеренно-либеральных позиций, то с началом реформ взгляды Каткова существенным образом меняются. Редактируемые им совместно со славянофилом П.М. Леонтьевым газета «Московские Ведо-

мости» и ее воскресное приложение «Современная летопись» превратились в органы антинигилистического направления первостепенной политической важности. Равно как журнал «Русский Вестник», который также редактировал Катков.

В январе 1861 г. в «Современной летописи» он публикует статью «Старые боги и новые боги», с которой начинает серию полемических выступлений, направленных против журнала «Современник» и его сатирического приложения «Свисток», ведущими авторами которых в эти годы были Н.Г. Чернышевский и Н.А. Добролюбов. В следующем году в той же «Современной летописи» (№ 23) выходит его «Заметка для издателей "Колокола"» с обвинениями в адрес А.И. Герцена, а заодно и российского общества, поскольку силу герценовской политической пропаганды Катков объяснял бессилием и мертвенностью российской общественной жизни.

Перемена в воззрениях Каткова и в общей позиции редактируемых им изданий произошла после восстания в Польше (1863 г.), которое вызвало в части русского общества волну шовинизма и охранительства. «Русский Вестник» призывал вынести «строгий приговор общественному движению шестидесятих годов», показать «оборотную сторону движения, охватившего Россию в период реформ»⁶. Главной мишенью выступал не только так называемый «практический нигилизм», или нигилизм «революционно-го дела», но и «прогрессизм» как либеральная и демократическая идеология.

Источник революционного нигилизма Катков усматривал в образованном слое общества, иными словами, в интеллигенции: «...Обман революционного движения идет не снизу, не из народа, не изнутри страны; – писал Катков, – он свил себе гнездо в преддвериях власти и идет из бюрократических сфер. Сословия Русского народа не причастны ему»⁷.

Антинигилизм Каткова и его единомышленников после 60-х годов носил охранительный, даже реакционный характер, и это обстоятельство сильно отличает его от веховской позиции, ориентированной на прогрессивные изменения в российском обществе, исключая насилие.

Вместе с тем, ради справедливости надо отметить, что Катков никогда не был официальным журналистом. Борясь за незыблемость самодержавия, он часто вступал в конфликты с цензурой и с правительственными лицами. Под «охранительством» Катков и его последователи, в число которых входили Л.А. Тихомиров, Ю.Н. Говоруха-Отрок, В.А. Грингмут и ряд других публицистов, понимали задачу сохранения и укрепления истинно русских начал национальной жизни и нещадно порицали тех, кто, по их мнению, не соответствовал этой задаче, включая и представителей самого высокого уровня власти.

Антинигилистическую линию «Русский Вестник» выдерживал и в жанре беллетристики. В журнале печатались романы А.Ф. Писемского, В.П. Ключникова, Н.С. Лескова (М.Стебницкого) и В.В. Крестовского, где «нигилисты» выставлены в самом неприглядном свете.

В катковском «Русском Вестнике» печатает свои произведения и Ф.М. Достоевский. Начав свое сотрудничество с этим журналом в 1866 г. публикацией «Преступления и наказания», он в 1871–72 гг. помещает здесь роман «Бесы», в котором антинигилистическая тема в его творчестве достигает своего апогея. Молодые нигилисты представлены здесь в облике сумасшедших и извергов.

Тема нигилизма сопровождала творчество Достоевского на протяжении долгого времени. Пройдя сам через искушение нигилизмом в кружке петрашевцев, Достоевский после всех пережитых психических и физических страданий становится на позицию нравственного осуждения нигилизма. В 1866 г. он пишет М.Н. Каткову: «Все нигилисты суть социалисты... Мошенников и пакостников между них бездна»⁸. В это же время Достоевский пишет роман «Преступление и наказание». Главный его герой, Раскольников, выступает как своего рода «нигилист-практик». Хотя мотив его действия исходил из собственной нужды, но оправдывал и обосновывал он убийство старухи своеобразной «социалистической» теорией, навеянной студентом в трактире. В конечном счете Раскольников осознает несостоятельность этой теории, терпит полный моральный крах и раскаивается в содеянном. Чего нельзя уже было ожидать от персонажей романа «Бесы».

Известно, что роман был откликом писателя на убийство С.Г. Нечаевым и его сподвижниками слушателя Петровской земледельческой академии И.И. Иванова. Внимание писателя привлекли не только обстоятельства убийства, но и политическая программа общества «Народная расправа», его «Катехизис революционера», где Нечаев использовал анархистские идеи М.А. Бакунина. Более всего, естественно, Достоевского как художника интересовала личность Нечаева, послужившего прототипом Петра Верховенского.

Приступив к созданию своего романа-памфлета, Достоевский писал в марте 1870 г. Н. Н. Страхову: «На вещь, которую я теперь пишу в "Русский вестник", я сильно надеюсь, но не с художественной, а с тенденциозной стороны; ...меня увлекает накопившееся в уме и в сердце; пусть выйдет хоть памфлет, но я выскажусь... Нигилисты и западники требуют окончательной плети»⁹. При всей колоритности образного ряда, сложности переплетения сюжетных линий существенное место в романе занимает та самая «тенденциозная сторона». Писатель стремился показать идейные истоки «бесовства» молодого Верховенского и его сподвижников. Среди политических проектов, обсуждаемых на тайных сходках, можно распознать признаки и либеральных, и анархических, и демократических, и левых революционных течений. И шигалевское вульгарно-циничное представление о будущем «счастливым обществе», достигаемого ценой многих миллионов жертв, является апофеозом идейного нигилизма.

Однако Достоевский не был бы великим художником, если бы идеи заслоняли в его сочинениях человека, личность. Художественно анализи-

руя нечаевщину и прочие разновидности нигилизма, Достоевский стремился показать их через характеры и судьбы своих героев. И не всегда нигилизм подвергался у него безапелляционному осуждению. Если в «Бесах» это осуждение достигает наиболее полного и совершенного выражения, то в других сочинениях трактовка этого явления не столь однозначна. На это обращает внимание, в частности, известный исследователь творчества писателя Ю.Ф. Карякин. Анализируя очерки из «Дневника писателя» за 1873 год, Карякин высказывает предположение, что неприятие обществом «Бесов» побудило автора публично объяснить свое отношение к тем, «которых называл три года назад так, что не хочется сейчас вспоминать... И возникает вопрос: не оправдывается ли? А в 1875 году выходит "Подросток"..., где Достоевский наконец изображает и других социалистов...»¹⁰. К этому можно добавить, что в 1879–1880 гг. в этом же «Русском Вестнике» Достоевский печатает «Братьев Карамазовых», где в образе одного из братьев, Ивана, также воплощены черты своеобразного нигилиста, но уже не «практического», а, скорее, «теоретического» свойства. И уж, конечно, к этому персонажу у писателя совсем иное отношение, нежели к нигилистам из романа «Бесы».

Истоки нигилизма Достоевский видел прежде всего в западничестве. Он был убежден в том, что нигилисты и западники – это едва ли не одно и то же. Писатель то и дело ставит рядом и тех, и других, тем самым подчеркивая их родство: «Вот завопят-то про меня нигилисты и западники что ретроград!»¹¹. Во всяком случае, для Достоевского нигилизм в обличье Петра Верховенского – явление чужеродное, неслучайно этот персонаж значительную часть своей жизни провел в заграничных скитаниях. Другое дело – Ставрогин, который тоже не чужд нигилистических настроений. «По моему мнению, это и русское и типическое лицо»¹², – говорит Достоевский об этом своем герое. Нигилизм Ставрогина отличается пассивностью и равнодушием, дворянским высокомерием. Рефлексия и нравственные терзания приводят его в конечном итоге к самоубийству.

Непримиримую позицию по отношению к нигилизму занимал Н.Я. Данилевский. Эскапады в адрес этого явления встречаются в его главном труде «Россия и Европа», который он закончил писать в 1869 году. Корни нигилизма и прочих «измов» он, как и Достоевский, видел в западных заимствованиях, берущих начало от той «прививки европейской цивилизации к русскому дичку», которую пытался сделать Петр I. Результаты, по мнению Данилевского, были печальными для русского общества: «чужеземное в этом обществе, – писал он, – произвело убождок самого гнилого свойства: нигилизм, абсентеизм, шедоферротизм, сепаратизм, бюрократизм, навеянный демократизм...»¹³. У Данилевского нет никакого сомнения в том, что это явление чужеродное: «Нигилизм – не более не менее как одна из форм нашего европейничанья, и как ни плохи наши гимназии и наши университеты – не они, однако же, произвели эту язву...»¹⁴. Происхождение нигилизма Данилевский связывал с книгой Макса Штирнера

«Единственный и его собственность», которая имеет подзаголовок: «Ничто – вот на чем я построил свое дело».

В 1884 году в двух номерах редактируемой И.С. Аксаковым газеты «Русь» Данилевский публикует большую статью «Происхождение нашего нигилизма»¹⁵. Правда, некоторые места в статье повторяют уже сказанное в книге, но в этом позднем сочинении взгляды ученого на природу отечественного нигилизма приобретают определенную концептуальную завершенность. Философские корни этого явления Данилевский видит в материализме и «крайнем рационализме», или «прямолинейности мысли». Кроме того, здесь мысль о западном происхождении нигилистических умонастроений конкретизируется с учетом распространения на русской почве политических течений, ставших позже объектами критики авторов «Вех». «Но не только чистый теоретический нигилизм заимствован нами отсюда, – говорит Данилевский, – не отсюда ли перешел к нам и социализм в новейшей форме его развития? И как для первого прямыми и непосредственными учителями конечно были означенные немецкие материалисты, так для последнего такими же учителями были для нас Лассаль, Маркс и другие немецкие социалисты»¹⁶.

Главную причину отечественного нигилизма Данилевский видит не в Западе, а в русском подражании Западу. Но «как могло случиться, – писал он, – что наша интеллигенция (употребляю это слово в общепринятом у нас смысле) в сильнейшей мере одержима нигилистическим мировоззрением, чем интеллигенция западная?» – задается вопросом автор статьи. Ответ он видит в том, что западническому подражательству не была достойно противопоставлена русская самобытная идея, что, напротив, в российской общественной жизни, в публицистике того времени получило преимущество распространение западнического вольнодумства.

На выступление Н.Я. Данилевского незамедлительно откликнулся Н.П. Гиляров-Платонов, один из ведущих публицистов второй половины XIX века. В той же газете «Русь» 15 декабря 1884 г. он печатает статью под названием «Откуда нигилизм?», в которой далеко не во всем соглашается с предыдущим автором.

Гиляров-Платонов ничего не имеет против того, что умонастроения русских нигилистов питаются от заимствованных учений. Однако считает, что в протестных настроениях русской интеллигенции не всё сводится к теориям. То, что выдается за «теоретический нигилизм», есть всего лишь «заемное умствование», готовые положения из немецких, французских, английских и прочих книг. «Следовательно, можно говорить только о практическом нигилизме»¹⁷. Именно практический нигилизм, по его мнению, выступает определяющим мотивом социально-политического протеста, а теоретические основания, которые он «подкладывает себе», исходят из потребности найти смысл для оправдания этого протеста.

Практический нигилизм, считает Гиляров-Платонов, обуславливается и вызывается к жизни не теоретическими основаниями, а реальными, бы-

товыми причинами. «В переводе на философский язык это значит, что у нигилизма нет своих идеалов; короче сказать – нет вовсе идеалов, он желает ими обзавестись, ищет их, чувствует потребность украсить себя смыслом, под одним условием, лишь бы то не были правила, которыми живет окружающее общество и которые ему противны... Нигилизм есть показатель болезни самого общества: общество лишено духовного чадородия, не способно вдохновлять, дать материал для идеалов»¹⁸. Здесь, собственно, заключена главная мысль статьи: истоки отечественного нигилизма надо искать прежде всего у себя дома, внутри российского общества, не возводя все напасти только на Запад.

Внутренние причины отечественного нигилизма Н.П. Гиляров-Платонов видит во многом, что побуждает трезво мыслящих людей к критическому отношению к действительности: «Где наши идеалы? Где отечественные подвиги, которые бы вдохновили потомство? Где ученая деятельность, обаяние которой привлекало бы молодые силы к участию и продолжению в общем направлении? Личная предприимчивость, свободный полет в какой бы то ни было сфере разве встречаются у нас простор и поддержку? Истинное достоинство разве пользуется почтением и может надеяться, что будет признано? Не ничтожества ли, посредственности и интриганы у нас в авантаже? Разврат разве не царит? Вся общественная сила, весь авторитет не перешел ли к деньгам? К высшим интересам разве не глухо большинство?»¹⁹.

Но больше всего публициста заботит свобода слова. Эта тема пронизывает лейтмотивом его очерк «А.И. Герцен», явившийся откликом на смерть русского философа и писателя. Гиляров-Платонов высказывает глубокое сожаление по поводу «нерадостной судьбы» этого талантливого человека, который, по мнению автора очерка, способен был пригнести огромную пользу для России, но вместо этого доставил ей существенный вред своим «Колоколом» и другими изданиями, вносящими в российское общество нездоровые настроения. Вину он возлагает на само это общество, а, точнее, на власть, которая не позволяла сполна раскрыться этому таланту на родине, убоявшись его «неудобных» речей. Автор убежден, что административные меры – никудышнее средство борьбы с инакомыслием, что если кто-то высказывает неверное мнение, то раскрыть и тем самым нейтрализовать его вредность может только свободная дискуссия. «Когда бы спервоначала борьбе открыто было поприще свободного прения, пошли ль бы далее зародыша, даже зародились ли бы те разрушительные направления, против которых пришлось воевать ссылками и казнями и усиленными заботами двойной полиции?»²⁰, – говорит Гиляров-Платонов. добавляя при этом, что если бы раньше подоспела «та ограниченная свобода печати, которая нам дарована», то, возможно, и не было бы того подполья, которое взрастило Каракозова и ему подобных. «Ужели неясно, – возмущается автор очерка, – в чем одном, в одном и ни в чем другом, действительное предохранение от заразы революционного бреда, спасение от

увлечений фальшивым блеском дерзости, столько же безнравственной, сколько незаконной: в свободе слова, в полном просторе совести и убеждений»²¹.

В своей статье Н.Я. Данилевский называл нигилистические умонастроения «предрассудками». Н.П. Гиляров-Платонов же считал, что предрассудками могут быть названы любые убеждения, в том числе и освещенные исторической традицией, каковыми являлись многие из тех, которые воспринимались как незыблемые в российском обществе. Поэтому отрицательное отношение к ним с позиций новых этических или политических представлений – не что иное, как столкновение разных предрассудков. В такой коллизии Гиляров-Платонов усматривал своего рода социальную диалектику: «Миллионы живут обычаем... миллионы пробавляются ходячими понятиями, верованиями, суждениями, не проверяя их и только усваивая и перестанавливая их между собой, а единицы подходят к анализу и разбивают существующий предрассудок, заменяя его другим предрассудком же, хотя, может быть, менее произвольным. Для будущих новый предрассудок будет таким же верованием, обычаем, слепым преданием, как был вчерашний»²².

Переключаясь в своих воззрениях с младогегельянцами, Лавровым и где-то с Марксом, Гиляров-Платонов видел ход социального развития в том, что вначале радикальные идеи остаются мнением меньшинства, не нарушая течения общественной жизни, пока эти идеи не проникнут в массы и не станут их общим достоянием – в виде новых предрассудков. Если это происходит в обстановке свободы критики, то развитие идет естественным путем, старые формы заменяются новыми тихо и даже незаметно. Если же старые предрассудки репрессивным образом подавляют всяческие попытки свободомыслия, тогда «беспощадная последовательность нигилиста оказывается уродливой непоследовательностью», он расторгает союз с обществом и берет на вооружение мнения европейских радикалов. «Уродливый сам в себе нигилизм оказывается после того законным исчадием общества неверующего, развратного, раболепного, равнодушного ко всему, кроме кармана и животной похоти»²³. В таких случаях социальные изменения совершаются бурно, и общество «мучится судорогами», как это было во время Французской революции. Именно социальные причины, подчеркивал Гиляров-Платонов, содействуют озлоблению воли критически мыслящих личностей, а вслед за этим – увлечению ума заимствованными идеями.

Философский и нравственный протест против революционного насилия высказывал в ряде своих выступлений В.С. Соловьев. Статью Н.П. Гилярова-Платонова о нигилизме, как, впрочем, и предшествовавшую ей статью Н.Я. Данилевского, он встретил весьма критически, но вовсе не за их антинигилистическую направленность, а за уклонение в антиевропейский изоляционизм, в котором видел вырождение славянофильской идеи. Кроме того, Соловьев упрекал Гилярова за то, что тот в своей статье о ни-

гилизме «доказывал, что предрассудок есть единственная настоящая основа человеческой жизни»²⁴.

В эти годы совершались террористические акты народовольцев, произошло убийство Александра II. В программе Исполкома «Народной воли» говорилось: «По отношению к правительству, как к врагу, цель оправдывает средства, – т.е. всякое средство, ведущее к цели, мы считаем дозволительным»²⁵. После убийства Александра II Вл. Соловьев в одном из публичных выступлений, высказавшись за помилование цареубийц, безоговорочно осудил террор как средство достижения пусть самой благой цели: «...Если человеку не суждено возвратиться в зверское состояние, – говорил Соловьев, – то революция, основанная на насилии, лишена будущности»²⁶.

В третьей речи в память Достоевского, написанной в 1883 году, В.С. Соловьев выступил с резкой полемикой, направленной против проповедуемой идеологами революционного народничества установки на революционное «историческое делание». Эта установка, говорит Соловьев, требует ответа на вопросы: «что делать?», «кто будет делать?» и «готовы ли делатели?» Логика ответов на эти вопросы, по мнению Соловьева, сводится к разрушительному и кровавому нигилизму. Ради достижения революционной цели усилия «делателей» направляются на устранение стоящих на пути препятствий. Следовательно, деятельность во имя несуществующего идеала «обращается всецело на разрушение существующего. А так как существующее держится людьми и обществом, то все это дело обращается в насилие над людьми и целым обществом... На вопрос: что делать? – получается ясный и определенный ответ: убивать всех противников будущего идеального строя, т.е. всех защитников настоящего»²⁷.

В оценке этого настоящего Соловьев, конечно, был далек от благоговения перед его наличным состоянием. Напротив, он не раз высказывал свое критическое отношение к существующим порядкам. Но он считал, что нравственное несовершенство царит как среди властвующих и благоденствующих, так и среди подневольных и недовольных. Поэтому вопросы «кто делает?» и «готовы ли деятели?» заведомо предполагают «прискорбный ответ», ибо, по убеждению Соловьева, при существующем состоянии человеческой природы недовольные делатели способны лишь на разрушения и убийства.

Не будучи сторонником незыблемости существующих порядков, Соловьев по своим политическим взглядам был скорее сторонником либерально-консервативной ориентации, и мысль Ф.М. Достоевского о «слезинке невинно замученного ребенка» он разделял целиком и полностью. Во взглядах на средства и способы достижения общественного идеала Соловьев исходил из принципов христианского гуманизма, исключаяющего насилие. Вместе с тем, его позиция нисколько не сводилась к квиетизму или фаталистической пассивности. Признавая объективную целенаправленность общественного развития, Соловьев, тем не менее, отводил дея-

тельную роль в этом процессе личности. Еще в магистерской диссертации он говорил следующее: «Что такое в самом деле история, как не постоянное осуществление человеческой деятельностью того, что сначала является лишь как субъективный, недействительный идеал? ...Воля перешла в действие, а действие оставило вещественные результаты»²⁸.

В более поздних работах, в особенности в «Оправдании Добра», Соловьев подробно и обстоятельно излагает свою концепцию личности и ее роли в общественном развитии. Личность, считал он, является началом прогресса («динамический элемент истории»), тогда как данная общественная среда представляет косную, охранительную сторону социального бытия («статический элемент истории»). «Степень подчинения лица обществу должна соответствовать степени подчинения самого общества нравственному добру»²⁹, – так решает Соловьев проблему отношения личности к наличным общественным порядкам. Если личность перерастает форму господствующего в обществе ограниченного нравственного содержания, то она получает моральное право на протест и заявление своего требования на совершенствование общественного устройства. Исключая, разумеется, насильственные формы такого протеста.

Личностей, которым дано прозревать путь в будущее, Соловьев, прибегая к привычной для него символической терминологии, называет пророками. Пророк, правитель, священник – олицетворение связи времен: священники призваны хранить заветы прошлого, правители должны заботиться о настоящем, пророки – узреть и призывать будущее. «...Истинный пророк есть общественный деятель, безусловно независимый, ничего внешнего не боящийся и ничему внешнему не подчиняющийся. ...Кто в последнем основании не знает другого мерил суждений и действий, кроме доброй воли и чистой совести»³⁰. Перед личностью – пророком, социальным критиком – находится ее диалектическое «свое другое» – общество, которое может развиваться лишь тогда и постольку, когда и поскольку в нем появляются личности, нравственно переросшие существующие формы отношений.

Считая существующий порядок несовершенным, требующим положительного переустройства, В.С. Соловьев в то же время не видел достойного варианта такого переустройства в социальных проектах существовавших в то время идейно-политических направлений. «Как политик и публицист, Соловьев не может быть назван ни социалистом, ни индивидуалистом, ни консерватором, ни либералом, потому, что он видит правду в каждом из этих противоположных направлений и пытается объединить их в органическом синтезе»³¹, – писал Е.Н. Трубецкой. Критикуя российский консерватизм за невосприимчивость к идеям общечеловеческого социального прогресса, непонимание ценности личных прав и свобод, Соловьев негативно относился также к социализму и либерализму, считая их односторонними уклонениями в крайности коллективизма и индивидуализма, что не соответствовало его представлениям о должном обществе, основанном на началах истины, добра и справедливости, гармоническом

сочетании природного и духовного бытия человека. Исходя из христианской мировоззренческой позиции, русский мыслитель видел направление общественного развития в примирении крайностей, органическом соединении элементов сохранения и изменения, социальности и либерализма, консерватизма и прогрессизма.

Обращение к истории российской общественной мысли показывает, что в ее проблематике заключено некое содержание, которое было и остается неизменно актуальным. Одной из таких непреходящих тем является тема цели и средств, разумной цены социального прогресса. Если столетие назад история не посчиталась с предостережениями виднейших русских мыслителей, то сегодня, в эпоху нового мышления, позиция ненасилия не может не встретить положительного отклика у политической элиты при выборе правильных подходов и путей к решению актуальных проблем модернизации российского общества.

Примечания

- ¹ Боборыкин П. Подгнившие «Вехи» // «Русское слово», 1909. 17 мая.
- ² Струве П.Б. Интеллигенция и революция // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 153.
- ³ Вехи. Из глубины. С. 9–10.
- ⁴ Аксаков И.С. Отчужденность интеллигенции от народной стихии // Аксаков И.С. Наше знамя – русская народность. М., 2008. С. 174–145.
- ⁵ Там же. С. 175.
- ⁶ Русский вестник, 1873. № 7. С. 394.
- ⁷ М.Н. Катков. Тексты // Политическая мысль России. От истоков до февраля 1917 года: Антология. М., 2008. С. 446.
- ⁸ Достоевский Ф.М. Полн.собр.соч. В 30 т. Л., 1972–1990. Т. 28 (2). С. 154.
- ⁹ Там же. Т. 29 (1). С. 113.
- ¹⁰ Карякин Ю.Ф. Прозрения и ослепления (о Бесах) // Его же. Достоевский в канун XXI века. М., 1989. С. 239. Тема «Достоевский и нигилизм» анализируется также в работах Н.Ф. Будановой, И.Овчинникова, Л.И. Сараскиной, В.А. Твардовской.
- ¹¹ Достоевский Ф.М. Полн.собр.соч. В 30 т. Т. 29 (1). С. 116.
- ¹² Там же. С. 142.
- ¹³ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 2003. С. 151.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ См.: Русь, 1884. 15 ноября и 1 декабря.
- ¹⁶ Русь, 1884. 15 ноября.
- ¹⁷ Гиляров-Платонов Н.П. Откуда нигилизм? // Гиляров-Платонов Н.П. «Жизнь есть подвиг, а не наслаждение...» М., 2008. С. 263.
- ¹⁸ Там же. С. 265.
- ¹⁹ Там же. С. 272.
- ²⁰ Гиляров-Платонов Н.П. А.И. Герцен // Там же. С. 261–262.
- ²¹ Там же. С. 263.
- ²² Гиляров-Платонов Н.П. Откуда нигилизм? С. 270.
- ²³ Там же. С. 272.
- ²⁴ Соловьев В.С. Собр. соч. В 2 т. Т. I. М., 1989. С. 484 (примечание). Подробнее об этом: Межуев Б.В. Вл.Соловьев, Н.П. Гиляров-Платонов и «разложение славянофильства» // История философии. Вып. 6. М.: ИФ РАН, 2000.
- ²⁵ Революционное народничество 70-х годов XIX века. Сборник документов и материалов. В 2-х т. Т. 2. М.–Л., 1965. С. 174.

- ²⁶ Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 1. М: Правда, 1989. С. 38.
- ²⁷ Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 2. М: Мысль, 1988. С. 309–310.
- ²⁸ Там же. С. 94.
- ²⁹ Там же. Т. 1. М., 1988. С. 341.
- ³⁰ Там же. С. 542.
- ³¹ Сборник статей о Вл. Соловьеве. Брюссель, 1994. С. 90.